

Koryčánková, Simona

Религиозно-философское осмысление судьбы и творчества А.С. Пушкина в литературной критике В. Соловьева

In: *Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech*. Pospíšil, Ivo (editor). 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2000, pp. [187]-193

ISBN 8021023007

Stable URL (handle):

<https://hdl.handle.net/11222.digilib/132488>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СУДЬБЫ И ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ В. СОЛОВЬЕВА

Simona Koryčánková (Brno)

*В поэзии вдохновенный поэт есть истинный царь.
В. С. Соловьев*

Владимир Соловьев на протяжении всей своей жизни глубоко изучал основы человеческой этики, нравственности и христианского вероисповедания. По его мнению, внутренние глубины его души и истинный смысл человеческого существования могут открываться через искусство и поэтическое творчество. Он говорит, что основная задача искусства и поэзии вообще состоит в выражении истинных качеств божественной идеи, в изображении одухотворенной красоты, добра и правды, которые не способна выразить созданная Богом природа.

Художник, по его словам, должен стать своеобразным наставником на земле и вместе с Богом созидать новую просветленную реальность. Только такое творчество сможет преобразовать жизнь людей и сделать ее более истинной и полноценной. «Понимаемое таким образом искусство перестает быть пустою забавою и становится делом важным и назидательным, но отнюдь не в смысле дидактической проповеди, а лишь в смысле вдохновенного пророчества»/Соловьев 1994, 255/.

Художник, творящий истинное нравственное искусство, должен иметь не только определенный настрой, зависящий от подъема души и от физиологического и психического настроения, но и данное ему свыше «дарование», которое проявляется в поэзии вдохновением. «Настоящая чистая поэзия требует от своего жреца лишь неограниченной восприимчивости душевного чувства, чутко послушного высшему вдохновению»/Соловьев 1990, 229/. В зависимости от восприимчивости души каждого художника в нем открывается свободное начало высшего творения, способность созерцания высших идей нездешних миров.

Для того чтобы художник мог стать наставником на земле, он должен воплощать в себе эстетические и нравственные начала. Хотя он тесно связан с неземным миром, в который поднимается в минуты вдохновения, он вынужден жить в земной реальности, которая влияет

на него своей хаотичностью и несовершенством. Художник должен противостоять земной суеде и быть носителем высших божественных качеств, т.е. нравственности, добра, правды и красоты. «Если нравственный порядок для своей прочности должен опираться на материальную природу как на среду и средство своего существования, то для своей полноты и совершенства он должен включать в себя материальную основу бытия как самостоятельную часть этического действия, которое здесь превращается в эстетическое, ибо вещественное бытие может быть введено в нравственный порядок только чрез свое простветление, одухотворение, то есть только в форме красоты»/Соловьев 1994, 248/. Именно такие качества проявляются, по мнению Соловьева, в поэзии А. С. Пушкина: «...поэзия Пушкина, взятая в целом (ибо нужно мерить «доброю мерою»), приносила и приносит большую пользу, потому что совершенная красота ее формы усиливает действие того духа, который в ней воплощается, а дух этот – живой, благой и возвышенный, как он сам свидетельствует в известных стихах:

И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые я лирой пробуждал,
 Что в сей жестокий век я прославлял свободу
 И милость к падшим призывал...»/Соловьев 1990, 59/.

Первым условием для вдохновения является, по словам Владимира Соловьева, полное уединение. В глухой деревне и в дни поздней осени поэт становился пророком, несущим на землю божественные идеи.

По признанию Вл. Соловьева, Пушкин с детства был его любимым поэтом: «Я не помню времени, когда бы культ его поэзии был мне чужд. Не умея читать, я уже много знал из него наизусть, и с годами этот культ только возрастал»/Соловьев 1990, 181/. Сергей Соловьев (племянник В. Соловьева) вспоминает, что однажды В. Соловьеву задали вопрос: «Скажи, за что ты любишь Пушкина?» Соловьев, не задумываясь, ответил: А вот за что:

Пришел сатрап к ущельям горным
 И видит: тесные врата
 Замком замкнуты непокорным,
 Грозой грозитесь высота,
 И, над тесниной торжествуя,
 Как муж, на страже, в тишине,
 Стоит, белеясь, Ветилуя
 В недостижимой вышине»/С. Соловьев 1915, 62/.

Соловьева роднит с Пушкиным и форма стиха – о нем говорили как о стилисте пушкинской школы. Все рукописи его стихотворений

покрыты пометками; он, как и Пушкин, тщательно обдумывал каждый эпитет. По словам А. С. Рождественца: «Вдохновенные и глубокие содержанием, стихотворения Соловьева отличаются замечательной красотой формы. По звучности стиха, по изящности слога, по тонкости красок поэзия Соловьева напоминает поэзию Пушкина»/Рождественец 1901, 5/.

На протяжении 80-х годов Соловьев изучал материалы, связанные с судьбой Пушкина, читал новые документы, которые появились в 1880 и 1887 гг. Соловьев находит в жизни Пушкина моменты, которые имели роковое влияние на его трагическую кончину. Строго следуя своим представлениям о месте истинного художника на земле, Соловьев убежден, что: «... Пушкин, вообще слишком даже разделявший поэзию с житейскими отношениями, не захотел отделить законное сознание о своем высшем поэтическом призвании и о том внутреннем преимуществе перед другими, которое давал ему его гений, – не захотел он отделить это законное чувство своего достоинства как великого поэта, от личной мелкой страсти самолюбия и самомнения»/Соловьев 1990, 188/.

Наше современное общество не привыкло смотреть на судьбу человека с точки зрения влияния высших сил, предопределенности и долга перед человечеством и Богом. В своей статье «Судьба Пушкина» /1897/ Соловьев рассматривает жизнь Пушкина с точки зрения высшей морали, которую он признает как единственную и обязательную для великих художников и пророков. В минуты творчества, в минуты истинного вдохновения Пушкин, по мнению Соловьева, превращался в пророка, который переживал соприкосновение с божеством. Однако, возвращаясь в «мирские мерности», он становился человеком, который видит пережитую реальность как обман музыки, как воображение. Как пример Соловьев приводит стихотворение «Я помню чудное мгновение...», посвященное А. П. Керн. «Одно из лучших и самых популярных стихотворений нашего поэта говорит о женщине, которая в «чудное мгновение» первого знакомства поразила его «как мимолетное виденье, как гений чистой красоты»; затем время разлуки с нею было для него томительным рядом пустых и темных дней, и лишь с новым свиданием воскресли для души «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь»/Соловьев 1990, 183/. В то же время Пушкин пишет письмо А. Н. Вульф, в котором называет ту же женщину «вавилонской блудницей». «... В настоящем случае нельзя не видеть именно некоторой фальши, хотя, конечно, не в грубом смысле этого слова. Представляя обыкновенную женщину как высшее неземное существо, Пушкин сейчас сам ясно замечал и резко высказывал, что это неправда, и даже преувеличивал свою неправду»/Соловьев 1990, 184/. Соловьев замечает острое противоречие между

поэтическим вдохновением и житейской действительностью и полагает, что и сам Пушкин, конечно, ощущал это несоответствие, однако мирился с ним очень легко. Данный разлад, как думал Соловьев, казался Пушкину чем-то окончательным, неизбежным, он «не оскорблял нравственного слуха, который, очевидно, был менее чутким, нежели слух поэтический»/Соловьев 1990, 187/.

Владимир Соловьев различает в жизни Пушкина два основных периода, которые тесно связаны с его творчеством. Первый период – это года юности, когда поэт писал стихи исполненные легкости и остроумия. Однако в этих стихах еще нет чистой поэзии, истинного вдохновенного творчества, наполненного нравственностью и моралью. Только в тридцатилетнем возрасте Пушкин начинает чувствовать, неуравновешенность своих увлечений, осознает, что суета и непостоянство не могут полноценно служить «чистой поэзии». «Он понял, что «служенье муз не терпит суеты», что «прекрасное должно быть величаво», т.е. что красота, прежде чем быть приятною, должна быть достойною, что *красота есть только ощутительная форма добра и истины*» /Соловьев 1990, 188/. Поэт женился, он стал отцом семейства, устанавливает более тесные контакты с придворной средой. В светском обществе Пушкин не сумел сохранить чистоту своей души и подвергся влиянию его вражды и злобы. Религиозное сознание, христианская вера и признание своего гения должны были стать опорой поэта, поставить его на высоту недоступную для светских сплетен. «Высшее проявление гения требует не всегдашнего бесстрастия, а окончательного *преодоления* могучей страстности, торжества над нею в решительные моменты»/Соловьев 1990,183/. Гений Пушкина обязывал его к отделению законного чувства своего достоинства как великого поэта, от мелких страстей самолюбия и самомнения. По мнению Соловьева, у Пушкина были все предпосылки для того, чтобы он победил все свои земные страсти. У него был ясный и прямой ум, понимание насущных нравственных истин. «Но мы видим, что Пушкин постоянно колеблется между высокомерным пренебрежением к окружающему его обществу и мелочным раздражением против него, выражающимся в язвительных личных выходках и эпиграммах. В его отношении к неприязненным лицам не было ничего ни гениального, ни христианского, и здесь – настоящий ключ к пониманию катастрофы 1837 года»/Соловьев 1990, 191/.

В литературных кругах Соловьев часто слышал мнение о трудной судьбе Пушкина, о преследовании его светской «толпой». Причину гибели поэта литераторы склонны были видеть в «людском» обществе, в среде, в которой он жил. Однако Соловьев утверждает, что Пушкин, который был общепризнанным и известным уже при своей жизни, не может жаловаться на свою судьбу. «Если несколько

лет невольного, но привольного житья в Кншиневе, Одессе и собственном Михайловском – есть гонение и бедствие, то как же мы пазовем бессрочное изгнание Данте из родины, тюрьму Камознса, объявленное сумасшествие Тасса, нищету Шиллера, остракизм Байрона, каторгу Достоевского и т.д.» /Соловьев 1990, 194/. Несмотря на цензуру, которая, по мнению критика, была скорее на пользу Пушкину, внешние условия его жизни были исключительно счастливыми. Отношение Пушкина и общества ухудшались по мере того, как Пушкин проявлял свою слабость, склонность к проявлению страстей. По словам Соловьева, главной причиной злобного настроения светского общества были эпиграммы Пушкина. «Между ними есть, правда, высшие образцы этого невысокого, хотя законного рода словесности, есть настоящие золотые блестки добродушной игривости и веселого остроумия; но многие другие ниже поэтического достоинства Пушкина, а некоторые ниже человеческого достоинства вообще и столько же постыдны для автора, сколько оскорбительны для его сюжетов»/Соловьев 1990, 195/. Вольный дух Пушкина не был в состоянии вырваться из сети интриг и обличения, которые с такой легкостью переносили его недоброжелатели. «Враги Пушкина не имеют оправдания; но тем более его вина в том, что он спустился до их уровня, стал открытым для их низких замыслов... он все более и более отдавался страсти оскорбленного самолюбия с ее ложным стыдом и злобною мстительностью» /Соловьев 1990, 197/.

Однако Соловьев уверен в том, что и после двухлетней скрытой борьбы между Пушкиным и обществом, поэт еще мог спасти свою жизнь и душу и подняться на уровень гения, который не подвластен светским сплетням. Охрана высших сил проявилась особенно после первой несостоявшейся дуэли Пушкина с Дантесом. Роковой ошибкой Пушкина было, по мысли Соловьева, то, что он не сдержал слова, данное императору Николаю Павловичу о том, что он предупредит царя в случае новой дуэли. После дуэли у Пушкина было найдено письмо, которое он не захотел отправить графу Бенкендорфу. «Он думал, что чей-то пошлый и грязный анонимный пасквиль может уронить его честь, а им самим сознательно нарушаемое слово – не может»/Соловьев 1990, 198/. Высшие силы судьбы могли бы, по мнению Соловьева, еще спасти жизнь Пушкина после ранения, если бы он не захотел стрелять в Дантеса. Но Пушкин «...недрожащею рукой выстрелил в своего противника и слегка ранил его. Это крайнее душевное напряжение, этот отчаянный порыв страсти окончательно сломил силы Пушкина и действительно решил его земную страсть. *Пушкин убит не пулею Геккерия, а своим собственным выстрелом в Геккерия*»/Соловьев 1990, 198/. Несмотря на случившееся, Соловьев уверен, что в минуты смертельных переживаний произошло возро-

ждение Пушкина, что он сумел найти духовную основу своей жизни. Соловьев утверждает, что Пушкин возродился через свою смерть. «Окончательное торжество духа в нем и его примирение с богом и с миром примиряют нас с его смертью: эта смерть *не* была безвременною»/Соловьев 1990, 200/. Соловьев упрекает всех тех, кто говорит, что Пушкин мог еще написать большое количество произведений, что он мог вырасти и стать величайшим реформатором поэзии и литературы. По мнению Соловьева, обратный исход дуэли был бы для Пушкина катастрофой. «Не мог бы он с такой тяжестью на душе по-прежнему привольно подниматься на вершины вдохновения для «звучков сладких и молитв»; не мог бы он с кровью нечистой человеческой жертвы на руках приносить *священную жертву* светлому божеству поэзии; для нарушителя нравственного закона нельзя уже было чувствовать себя *царем* над толпою и для невольника страсти – свободным *пророческим глаголом* жечь сердца людей. При той высоте духа, которая была ему доступна и которую так явно открыли его последние мгновения, легких и дешевых расчетов с совестью *не бывает*»/Соловьев 1990, 202/.

Статья о Пушкине была принята враждебно со стороны литераторов. Она была впервые напечатана на страницах «Вестника Европы» в 1897 г., в котором потом появлялось много критических отзывов. Соловьев сам не откликнулся на печатные возражения, однако чувствовал себя уязвленным. В 1899 г., работая над новой статьей на пушкинскую тему, он был твердо убежден в своей правоте: «Этический взгляд, изложенный в статье «Судьба Пушкина» и сводящийся к тому простому положению, что *гений обязывает*, и что *кому много дано, с того много и взыщется*, вызвал общее неудовольствие и единоголосное осуждение в печати. Но мотивы такого неудовольствия относились ко всему, что угодно, только не к тому, что было действительно мною высказано и что осталось совсем незатронутым в многочисленных статьях и заметках, появлявшихся в эти два года по поводу статьи «Судьба Пушкина»/Соловьев, 1990, 225/. Статья «Особое чествование Пушкина» вышла в журнале «Мир искусства» в 1889 г., но была опять встречена крайне враждебно. Владимир Соловьев решил написать большой труд о Пушкине, составной частью которого должна была стать статья «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» /1899г./, в которой он объясняет свой особый подход к литературной критике и к восприятию этической и эстетической сторон искусства. Соловьев показывает необходимость смотреть на произведения и связанную с творчеством жизнь поэта с высшей, духовной точки зрения. Задуманный большой труд о Пушкине остался ненаписанным, однако, Соловьеву удалось в своей последней статье хотя бы частично дать свое понимание пушкинской поэзии. Он старался

очистить Пушкина от ложного с его точки зрения идолопоклонства и антиисторического понимания его послания.

Соловьев в некоторых стихах Пушкина находил «чистую» красоту, которая открывала читателю тайны иных миров, приобщала его к вечной правде и доброте. «Красота просветляет все существующее; но ведь этот ее свет есть вечная истина. Просветляя все, что есть, чистая красота оставляет за всем его собственное существенное качество, и, следовательно, если искусство служит чистой красоте, то оно должно брать все существующее в его истине»/Соловьев 1990, 252/. Такое проявление света и красоты Соловьев видел, например, в «Пророке» Пушкина. Вдохновение в пушкинской поэзии идет «сверху, не из расщелины где серные, удушающие пары, а оттуда, где свободная и светлая, недвижимая и вечная красота»/Соловьев 1990, 219/. По словам Сергея Соловьева, «эту светлую, горную красоту, которой служил он сам, Вл. Соловьев находил только у Пушкина. Будучи сам религиозным проповедником, он связывает свое дело не с делом религиозных проповедников Толстого и Достоевского, а с поэтическим делом Пушкина»/С. Соловьев 1915, 62/.

Литературная критика Владимира Соловьева представляет собой своеобразные философско-критические статьи, которые раскрывают смысл русской поэзии и ее эстетическую и этическую основу. Соловьев видит в искусстве средство приближения человека к Богу через изображение прекрасного, которое в себе включает нравственность. В литературной критике Соловьев излагал свои представления о целостности творчества писателя, о его ответственности перед Богом и народом, о его пророческом долге, о необходимости изображения красоты, добра и истины. Однако, по его мнению, поэт не является только носителем нравственных и эстетических норм, он влияет на нас и силой своей личности, проявлением своего духа.

Литература

- Рождествен, А. С.: Вл. Соловьев как поэт А. С. Рождествен. Казань 1901.
- Соловьев, В. С.: Литературная критика. Москва, 1990.
- Соловьев, В. С.: Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров». СПб 1994.
- Соловьев, С.: Идея церкви в поэзии Владимира Соловьева. Москва 1915.

